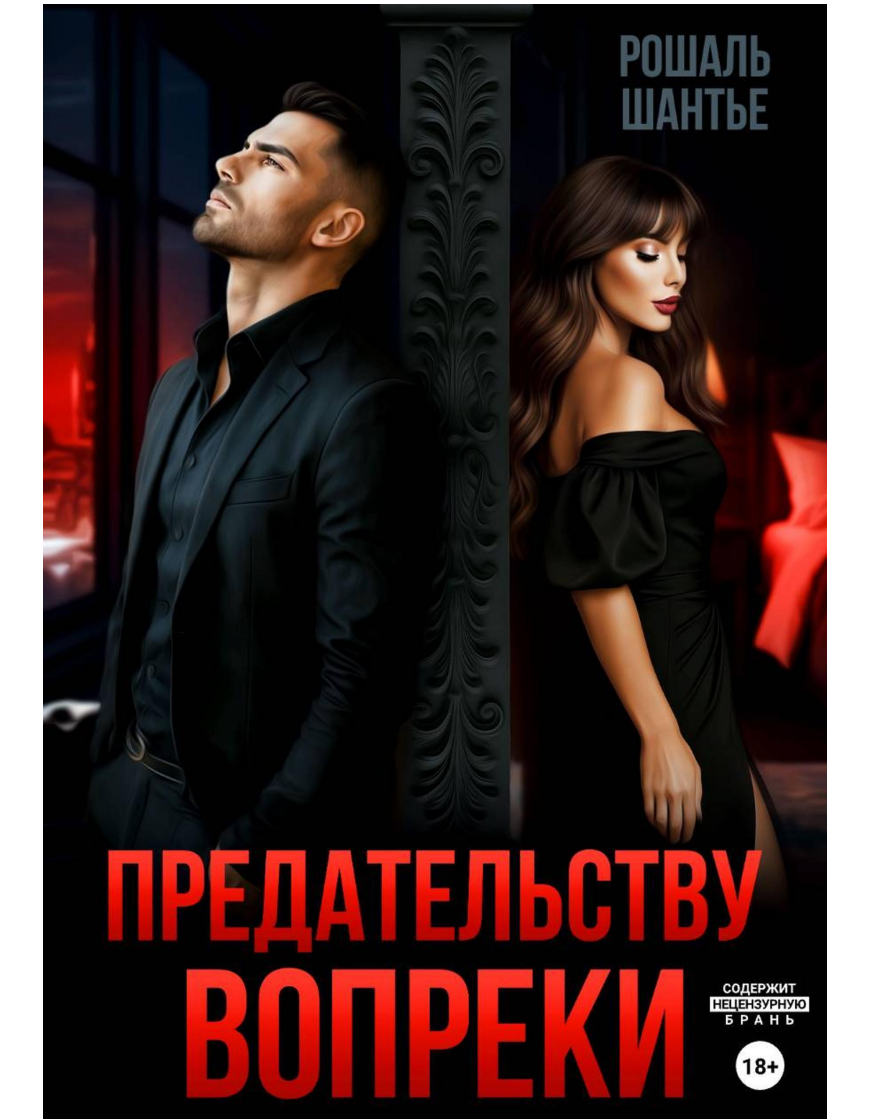

РОШАЛЬ
ШАНТЬЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ВОПРЕКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рошаль Шантье

Предательству вопреки

<https://litres.ru/73478694>

SelfPub; 2026

Аннотация

Так роди мне, Маша, бросает вместо оправданий.

Я замираю перед ним. Лучше бы муж дал мне пощёчину.

Ч-что? выдыхаю шокировано.

Ты же хочешь семью. Роди мне.

Ненависть пробирает до костей и я вздрагиваю.

Демьян прекрасно знает, что я не могу. Он клялся, что это неважно.

То есть моё бесплодие виновато в твоей измене?

Я думала, это конец. Но всё оказалось... иначе.

Автор предупреждает: будет больно! Чувствительным без стука не входить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	71
Глава 12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Рошаль Шантье

Предательству вопреки

Глава 1

— Людей на эту должность, Мария, очень и очень много. Не знаю, почему именно тебя они выбрали и не захотели работать с Кушко, — тут шеф откровенно раздражается, сжимая челюсти, потому что Максим Кушко — не только глава отдела, но и его племянник, — но если заказчики уйдут недовольными, я обещаю: работу в этом городе тебе будет очень трудно найти.

Такие напутственные слова не облегчают мои натянутые канатами нервы. Но ответить не успеваю ничего, потому что босс уже толкает дверь в конференц-зал, и я вынужденно захожу первой.

— Познакомьтесь, наш первоклассный специалист — Лунёва Мария Ярославовна. Вы не зря её выбрали. Ручаюсь: она лучшая в рекламе. Не смотрите на возраст, Мария Ярославовна прекрасно справляется со своими обязанностями, — мой шеф, Валерий Гаврилович Миленко, распинается так, будто я — дорогуший сыр.

Приятный мужчина под пятьдесят с корректным отношением к сотрудникам, но требовательный во всём, что касает-

ся клиентов. Если хотя бы один раз загубишь проект, допустишь тотальную ошибку — с тобой очень корректно попросят. В духе Валерия Миленко. Именно поэтому я мало сплю и много работаю.

Однако, должна сказать, зря босс так расхваливает меня перед человеком напротив. Ведь он, этот статный мужчина в дорогом костюме, хорошо меня знает. Потому что, согласитесь, трудно забыть ту, чью жизнь разрушил. По моему мнению, конечно. Они же, наверняка считали, что вершат доброе дело. Разве что с гуманитарной миссией не выступили. Послы ООН, не меньше.

— Добрый день, — я первой протягиваю руку, плюя на этикет, лишь бы не делать неловкую паузу на глазах у шефа.

— Добрый... — Роман Давидович Лесовский выглядит удивлённым. Но ведь именно он меня и выбрал. Интересно только зачем?

— Мария, вы договаривайтесь, я вам в этом точно не помощник, — он кивает мне, жмёт руку Роману и выходит из кабинета.

— Лиза, — говорю офис-менеджеру по стационарному телефону, — два кофе, пожалуйста. — Можем начинать? — спрашиваю у бывшего свёкра, жестом приглашая сесть в одно из гостевых кресел.

— Несколько минут. Мой партнёр опаздывает на несколько минут, — повторяет он, взволнованно бросая взгляд на дорогой циферблат.

Мне бы за эту фразу уцепиться, на его нервозность обратить внимание, но я слишком ошеломлена встречей. Не каждый день будешь вести проект своего возможного будущего в прошлом родственника и поддерживаешь успешность его бизнеса, несмотря на острое желание слить всё к чёртовой матери.

Включаю ноутбук и раскладываю папки, которые принесла с собой. В них — два моих последних проекта. Они совершенно разные, начиная с идеи и заканчивая деталями, но оба успешные и выполнены в рамках запроса заказчика. Часто, чтобы определиться с концепцией, клиентам необходимо увидеть что-то. И даже если это «что-то» — не то, что им нужно, у нас уже будет отправная точка.

Открывается дверь, я слышу шаги и немного раздражаюсь, что Лиза снова не постучала. У неё часто бывает. И если я на это внимания не обращаю, то заказчики — да. Всё, что они говорят в конференц-зале, считается абсолютно секретным до завершения и обнародования конечного результата проекта ими же.

— Ещё один кофе. И, пожалуйста, не забывай стучать в следующий раз. Конференц-зал — зона заказчиков, помнишь? — говорю мягко, но безапелляционно.

А потом... я слышу стук.

— Кофе, Мария Ярославовна, — сообщает о своём присутствии Лиза, а я выпрямляюсь и поворачиваюсь, чтобы извиниться перед клиентом, когда...

— Приветствую, Мария... Ярославовна, — хрипло и почти привычно.

Я так давно его не слышала...

— Демьян... — откликаюсь сипло.

И падаю в темноту его глаз. Проваливаюсь, чтобы заблудиться. С желанием забыть дорогу назад. Сюда, в реальность.

— Мария Ярославовна, с вами всё хорошо? Вы побледнели, — доносится до меня обеспокоенный голос офис-менеджера.

— Конечно, — растягиваю губы в улыбке, — Демьян Романович, — подаю руку, стараясь прийти в себя. — Прошу, присаживайтесь, — я быстро убираю ладонь, что горит, словно ожог, и указываю на свободное гостевое кресло рядом с его отцом. Изю всех сил стараясь скрыть, что почувствовала, будто молния сквозь меня прошла. Он рядом. Рядом со мной... Так близко... — мы вас ждали.

— Меня? Правда? — И, да, он провоцирует. Да, переводит на личное. Но я здесь по работе, хотя теперь и понимаю, кто именно устроил эту встречу.

— Да. Если вы и есть тот самый партнёр господина Лесовского, тогда вас.

И ни один мускул на моём лице — а я очень надеюсь, что оно не стало похожим на маску — не дрогнул.

Глава 2

Только привычка работать несмотря на личные проблемы и самочувствие, ставшая уже опытом, помогла мне сегодня не опозориться. Я будто бы наблюдала за собой со стороны, пока какая-то другая Мария предлагала варианты будущей рекламы, выстраивала концепцию, на лету подстраиваясь под комментарии заказчиков, один из которых в прошлом жених, а другой — свёкор.

Но я держалась. Держалась ради того, чтобы доказать самой себе, что достойна. Всего достойна. Не опустилась на дно, не сдалась, не разбилась. И сейчас, глядя прямо в любимую темноту глаз, такую знакомую, такую манящую, продолжаю говорить, — словно тот робот, — на автомате. Я продолжаю лепить себя сама. В последнее время пружину вперёд на полной скорости, ведь, кажется, если остановлюсь — не выдержу. Кроме работы у меня больше и нет ничего.

Нужны ли ему эти доказательства? Не имею понятия. Но скорее всего, нет. Демьяна никогда не интересовало моё финансовое состояние, только я сама. А мне было глубоко плевать на его деньги. Наши отношения были сложными, но настоящими.

Я любила его. Его я...

Почувствовала, что уже не одна. И сразу же поняла, кто именно вошёл.

— Вы что-то забыли, господин Лесовский? — говорю, не оборачиваясь. Потому что ни желания видеть его снова, ни отваги.

Они вышли из кабинета минут десять назад, и я была в своём праве подойти к окну, которое выходит на город, чтобы отвлечься, любуясь любимой вечерней столицей.

Шаги за спиной будоражат фантазию, вызывают давно забытый трепет и покалывание на кончиках пальцев.

— Тебя... — обжигает шею сзади, — я заберу тебя в шесть.

По позвоночнику проносится лавина. Давнее, забытое ощущение.

— С ума сошёл? Я не поеду!

Поворачиваюсь и сразу же делаю шаг назад, чтобы увеличить дистанцию. Но упираюсь в подоконник. Это место какое-то зачарованное где бы мы ни были. Следующий кабинет, который я выберу для встречи с Лесовскими, вообще будет без окон!

Его глаза в эту самую минуту какие-то безумные. Они вспыхивают молниями, пелена желания окутывает взгляд. Демьян смотрит так, будто насмотреться не может. Будто сам уже на грани...

— Ставлю свою машину, ты уже мокрая. — Он кладёт руку на внутреннюю сторону моего бедра и ведёт вверх. А нагнувшись на резинку чулок, одобрительно закатывает глаза.

Вид того, насколько сильно он хочет меня, сбивает с тол-

ку, возбуждает, заставляет наслаждаться реакцией Демьяна на меня. Но проблема в том, что ясность мыслей сбивает собственная жажда снова почувствовать его, гореть в его руках.

Я помню, насколько сладко это ощущение...

— Убери руки, — я ударяю его по запястью. Толкаю ладонями в сильную грудь.

Напрасно.

Демьян подхватывает на руки, прижимая к стене. Толкается в меня, демонстрируя готовность. Возбуждая. Заставляя собственное желание окутать тело, подчинить разум.

Боже...

— Скажи, что не представляла меня. Скажи, что не ждала. Скажи, что не хочешь — и я уйду сейчас же. — Настойчивая рука движется по рёбрам вверх, когда вторая одобрительно поглаживает бедро. — Солги, Ундина. Давай, детка, — шепчет он, прикусывая хрящик уха.

Он знает, где именно моё тело откликается на прикосновения особенной дрожью. Помнит... А мне всё ещё это нравится...

— Отпусти, — выдавливаю из себя хоть что-то. Но звучит жалобно, как у котёнка.

— Это больше похоже на приглашение, дорогая.

Демьян упивается моим состоянием. Тем, что именно он и есть причиной потери себя.

Пахом он ударяется в меня ещё раз. Имитирует, заставляет вспомнить. Но чтобы вспомнить, надо было забыть — а я

не забывала никогда.

Когда мужские пальцы скользят по белью, я действительно готова. Он оттягивает трусики в сторону, чувствуя на ощупь, растирая между пальцами мою влажность.

Ощущения от его прикосновения настолько яркие, что меня подбрасывает в родных когда-то руках.

Демьян с шумом выдыхает воздух сквозь зубы, а я не сдерживаю стон. Всхлипываю, впиваясь непослушными пальцами в его плечи, желая стать ближе хотя бы на мгновение... Только сейчас...

— Сладкая... — рокошет он. — Тебе хватит нескольких движений, чтобы кончить, да?

Разумеется, я не отвечаю. Но он и без меня знает ответ. Я лишь губу закусываю и глаза прикрываю, чтобы на него не смотреть.

— Хочешь?

Демьян ласкает меня пальцами там, где сосредоточено моё желание. Ласкает лениво — и это похоже на сладкую муку. Жмурюсь от остроты ощущений, дышу рвано, прерывисто.

С ним в унисон.

— Ты не ответила, моя страстная, — нажимает сильнее. Так, что моя спина вытягивается, словно тетива. — Хочешь?

Сглатываю. Жажды к нему становится так много... Я хочу свести ноги, чтобы облегчить ощущения, сильнее сжимая мужской торс. Запрокидываю голову, открываю губы, вдыхаю.

хая воздух, что стал горячим.

— Да, — сдаюсь.

Я хочу проиграть.

Это просто невозможно выдержать. Он — невозможный. Сопrotивляться невозможно. Я буду корить себя позже, сейчас же я не в силах справиться с собой.

Демьян снова оказался прав — я достигла пика быстро. Быстро, бурно и громко.

Я так и не открыла глаза. Ни когда закончила, ни когда он поставил меня на землю, ни когда за ним закрылась дверь.

— Сегодня в шесть, Ундина, — услышала я перед тем, как осталась один на один с содеянным.

Глава 3

День тянется слишком долго. Учитывая моё смятение и возбуждение, проект Лесовских — последнее, о чём я думаю, вспоминая молодого мужчину, что носит эту фамилию. Мужчину, за которого я должна была выйти замуж.

Демьян не должен был возвращаться...

Его пальцев мне явно было недостаточно. Как иначе объяснить напряжение, что тисками охватило тело? Тёмные глаза Демьяна пылали мною, когда он смотрел в мои синие. Мужские губы были так близко к моим, а его возбуждение...

Как хотелось прикоснуться в ответ...

Невольно закусываю ручку, которую сжимаю пальцами, и сильнее сжму бёдра. Господи, как он делает это со мной? Моё частое дыхание, ускоренный пульс и... да, я мокрая от одной только мысли; возбуждена до предела. Провожу языком по сухим губам...

— Тебе тут легче работается?

Ручка выпадает из моих пальцев, я резко поднимаю голову, фокусируя незрячий взгляд на вошедшем.

— Ты уже второй час тут сидишь, — вскидывает бровь с требованием ответа Максим Кушко. Руководитель маркетингового отдела, а значит, мой непосредственный начальник.

— Да, — голос подводит меня, прыгая на октаву вы-

ше. Прокашливаюсь и предпринимаю попытку непринуждённо улыбнуться. — Не хотела отрываться от бумаг. Конференц-зал всё равно пустует до конца дня.

— Ты же осознаешь, что Роман Лесовский — очень важная персона? — говорит, проходя вглубь просторного кабинета. Я киваю.

О свадьбе Демьяна Лесовского кричали на каждом углу. До этого момента не было даже намёка, но если теперь Максим настолько откровенен, то притворяться наивной дурочкой вовсе нет смысла.

— Говорят, его сын скоро унаследует компанию. Так что, Маша, он должен быть доволен, — Кушко опирается ладонями о стол, нависая надо мной и напористо смотрит в глаза. С прозрачным намёком. — Если тебе понадобится помощь, я всегда рад. Мне много не нужно, — накрывает мою руку своей, липким взглядом щупая моё тело.

— За подобное предложение я могу подать в суд, — спокойным жестом скидываю его конечность. — Если я правильно поняла тебя, Максим.

Его слова сбивают пелену с глаз. Я больше не обескуражена, а уверена. Потому испепеляю его взглядом.

— Ну что ты? Я же о деле, не волнуйся. Всё ради проекта. Я помогу угодить им, а ты угодишь мне. Только удовольствие, м? — он мерзко растягивает губы и я отражаю эту отвратительную мимику. А потом поднимаюсь с кресла, в котором сидела всё это время.

— Ещё раз предложишь мне постель с тобой, заказчиком или королём Британии — я тебе серп в яйца вгоню. Понял меня, котик? — моя улыбка становится мягкой и доброжелательной. Со стороны и не скажешь, что в этот момент я представляю, как воплощаю угрозу в реальность уже сейчас.

— Хорошая ты девочка, Машенька. И глаза...

— Как озёра, я знаю, — обрываю эти никчемные потуги. — Держи всё это при себе, если хочешь детей плодить, — подкрепляю слова, подмигнув ублюдку, и не спеша собираю бумаги в папки. Максим молча наблюдает за мной, пока я не выхожу из кабинета.

Какой же козёл!

Бросаю взгляд на часы — без десяти шесть. После того, что произошло, считаю вполне уместным позволить себе уйти на десять минут раньше. На секунду забегаю в свой кабинет, который делю ещё с тремя сотрудниками, забираю вещи из шкафа и, попрощавшись с коллегами, направляюсь к выходу. И уже когда карусельные двери остаются за моей спиной, а я прохожу мимо парковки, останавливаюсь, словно окаменевшая статуя, увидев фигуру перед собой.

— Я не уверена...

— Я уверен. — Отвечает, глядя прямо в глаза. — Садись в машину, Маша.

— Демьян, будет лучше, если я уйду сейчас, — предпринимаю ещё одну попытку. Качая головой в подтверждение своих слов, делаю шаг назад.

— Для кого лучше, Маша? — он уверенно шагает на меня. Расстояние между нами сокращается до опасных миллиметров. Открываю рот для ответа, но лишь хватаю воздух. Его близость, запах... Он туманит мою голову. — Поговорим обо всём. Садись в машину.

— Это сделает только больше...

Поморщившись, он кладёт руку на мою талию, подталкивая к своему телу. Вжимает в крепкую грудную клетку, одной ладонью зарывается в мои волосы, когда другая ложиться на подбородок. Демьян заставляет смотреть на него тогда, когда я больше всего хочу убежать.

— Слишком размытые слова, Маша. «Так будет лучше», «будет больно». Чем была занята твоя умная головка, что не подготовилась к моему напору? — он осторожно постукивает пальцем по моему виску. — Ты уйдёшь отсюда только со мной. Если потребуется, я усажу тебя в салон машины собственноручно. Так что будь хорошей девочкой, сядь сама.

Подобный разговор уже был у нас когда-то. В далёком прошлом. И тогда я совершила ту же ошибку, пойдя на поводу у своих желаний — я села в его машину.

Слежу за огоньками за окном. Как тебя не любить, прекрасный город? Бессонный великан. Величественный красавец. Столица, что приняла меня когда-то в свой безумный ритм. Прижилась ли я здесь благодаря выдержке? Или мегаполис не выплюнул меня только потому, что я вцепилась в единственную возможность быть здесь — потому что мне

просто некуда было возвращаться?

Студентка столичного вуза без рода и племени. Мне не нужно было искать целей. Выжить — лучшая цель. С Демьяном мы встретились позже, на четвёртом курсе. Я уже не была настолько запуганной, но и уверенной меня было трудно назвать. Это была наша первая встреча после того, как он оставил меня в детском доме. Его усыновили Лесовские, а я... А я осталась выживать.

Автомобиль въезжает на парковку, и когда Демьян глушит мотор, я первой выскальзываю из салона. Демьян не делает вида, что не заметил, не смягчает бешеное напряжение между нами, которое я усиленно пыталась игнорировать всю дорогу. Он подходит и, положив руку на мою спину, подталкивает ко входу в ресторан. Тот самый, в котором когда-то сделал мне предложение.

Это же как сильно вышибла меня наша встреча, что я даже за дорогой не следила. Хотя, а если бы следила, то что? Заставила бы Демьяна остановить машину? Заставить Демьяна... и думать смешно. На самом же деле это не угасшая за полгода привычка. Рядом с ним мне не нужно беспокоиться, я безусловно знаю, что он сделает всё, что необходимо. И делает правильно.

Выдыхаю и шагаю вперёд. Поздно уже сопротивляться. Поговорим — и я уйду. Но дело в том, что к разговору я совсем не готова. И не буду готова никогда, сколько бы ни прошло времени.

Улыбчивая хостес, лучший дальний столик, Демьян, который по-джентльменски отодвигает для меня стул и садится напротив. Меню, аперитив.

Стараюсь не пересекаться с ним взглядами, пока...

— Жемчужная моя... Ундина... — его твёрдый голос, уверенный жест, которым он берёт мою руку в свою, ошеломляют меня.

Реакция на него у меня всегда была особенная, какая-то иррациональная. Ничего не изменилось.

— Демьян, не нужно... — выдавливаю хрипло. Я убираю руку резче, чем того требуют обстоятельства. Однако желание его тепла противоречит моим действиям. — Всё закончилось.

— Да. Это было сложно не понять, когда ты не пришла на свадьбу.

— Тогда зачем ты появился? — откровенно удивляюсь, — я предала тебя. Ты такое не прощаешь, — говорю тихо.

Это — сопротивление моей сути, которая жаждет его. И я не в силах усмирить это в себе.

— Не сходится кое-что, — говорит почти лениво. И только сжатые скулы выдают, насколько же он на самом деле напряжён. — Подумай сама: моя невеста страстно провожает меня по идиотской традиции провести день накануне свадьбы порознь. Какой недоумок вообще это придумал? — фыркает недовольно, — вечером звонит и признаётся в любви. А на следующий день я нахожу записку со словами, что

ты передумала, кольцо и крестик внутри. Крестик, сделанный в точности, как тот, что я оставил тебе, когда уехал из детдома.

Он кладёт локти на стол, смотрит в упор:

— Отсюда вопрос: что в тот день случилось, Маша?

Тишина становится слишком громкой, безжалостно ударяя по вискам. Демьян молчит. Выжидает. Даёт время придумать ложь. Взмахом руки, не сводя с меня глаз, отправляет подошедшего официанта, лишь бы нам не мешали.

— Я не выдержала. Не смогла. — Говорю какую-то путаную чепуху, потому что правду ему знать не стоит.

— Ты меня два года из Америки ждала. Что в тот день случилось? Скажи мне. — Обеими руками он берёт мою ладонь и сжимает пальцами. — Ты должна сказать.

Он давит на меня.

Требовательный взгляд, повелительный тон — это всегда на всех действовало: ни знакомые, ни подчинённые долго не могли этого выдерживать.

— Я ничего тебе не должна, Демьян. Оставь меня. Всё кончено. Прекрати это.

Голос сипит. Мне тяжело, потому что я погружаюсь в тот день. Я его посекундно помню.

День, когда узнала диагноз и ушла от него.

— Я имею право знать правду. Это простой вопрос, Маша: почему ты от меня ушла?

Вот почему. Потому что он и тогда бы давил на меня, как

давит сейчас. На глаза наворачиваются слёзы, которые сдерживаю одной лишь волей, но я на грани.

Я не выбирала жизни без него, так сложились обстоятельства.

Я с радостью осуществила бы нашу общую мечту: подарила бы ему детей, строила бы карьеру и разговаривала бы с ним за ужином.

В чувство приводит нежное прикосновение пальцев к моей щеке. И это прикосновение настолько отличается от резкого взгляда, что вытаскивает наружу самое болезненное.

Резко выдёргиваю руку и автоматически прикладываю к груди. Туда, где висит крестик.

— Я не стану портить тебе жизнь! — говорю, поспешно вскакивая с места, — Прости, я... я не могу. Я просто не могу, хорошо? Забудь меня. Прости. Мне нужно идти...

Делаю несколько шагов назад спиной, продолжая путано произносить слова и, развернувшись, быстро направляюсь к гардеробной. Такси приезжает через несколько минут. Здесь, в центре города, вызвать машину — не проблема.

И только оказавшись внутри, даю волю эмоциям — слёзы отчаянно катятся по щекам, а я даже не делаю над собой усилий стереть их.

— С вами всё в порядке? — нахмутив брови, спрашивает водитель.

— Сделайте, пожалуйста, музыку погромче.

И он, к счастью, лишь кивает.

Глава 4

В подъезд захожу опустошенная. Мне нестерпимо хочется лечь в кровать и накрыться с головой одеялом, даже не заходя в душ. Я не хочу смывать с себя его касания, его запах, ощущение быть в его руках... Ощущение быть его... Пусть и понимаю, что даже если стану тереть тело мочалкой — воспоминания останутся со мной.

На этаже темно, автоматический свет должен загореться через секунду, но...

— Маша...

Кричу. Кричу, почувствовав ладони на своих плечах. Выворачиваюсь, сопротивляюсь, оборачиваясь. У меня же двор с охраной!

— Тшш... Это я. Ундина, это я.

Знакомый голос ведром ледяной воды врывается во взвинченное сознание.

— Демьян, ты с ума сошёл?! Господи, я испугалась! — слёзы застилают глаза. Те, что, казалось бы, уже выплакала. Но, выходит, накопилось в разы больше. Все эти события, к которым я не способна быть готовой! Наша неожиданная встреча, наше желание, превратившееся в необходимость, что-то похожее на свидание и страх умереть у собственной квартиры!

Делаю судорожный шаг влево — и свет, наконец, включа-

ется. Теперь я вижу совсем другого Демьяна. Словно маска, которую он удерживал, пала, и передо мной предстал мужчина, который долгое время чувствует жгучую боль внутри себя.

Он толкает меня к двери, и когда я упираюсь в неё спиной, нависает внушительной фигурой, упершись согнутыми в локтях руками рядом с моей головой.

— Это я испугался, когда ты не пришла на свадьбу. Когда зашёл в нашу квартиру и не нашёл тебя.

Его дыхание тяжёлое. Слова, что откровенными признаниями проходят в меня, рассекая разорванное без него сердце.

— Ты — единственное, что нужно мне, Маша. Какого дьявола ты ушла? Я так устал быть без тебя... — Демьян отводит волосы от моего лица, поднимает за подбородок, вглядывается в глаза, перехватывая взгляд.

Суровый и, одновременно с этим, настоящий. Никаких масок.

— Я... Боже, зачем ты приехал? Ты должен был остаться там! Я поставила точку! Точку... — он прижимает меня к себе, гладит заплаканное лицо.

Такой необыкновенно чуткий... Сейчас ощущения такие яркие, такие глубокие, что кажется — он действительно никогда-никогда не был настолько откровенным. И я не могу не ответить. Обнимаю за шею, желая стать ближе. Слиться с ним.

Не могу не любить его.

Никогда не могла.

— Между нами не может быть точки. Ты моя — вопреки всему. Что бы ни случилось, Маша. Ты моя.

Слёзы тонкими реками умывают лицо, я всхлипываю от бессилия и любви к нему.

Я... Как же я вымоталась, кто бы знал!

Но он знает.

Чувствует то же самое, только вдобавок ещё и не знает причины. Имею ли я право молчать дольше? Я сделала всё, чтобы уберечь его. Но Демьяну не нужен покой.

Он мог выбрать — свою гордость вместе с обидой или меня.

Он выбрал.

Уперевшись лбом в его плечо — либо сейчас, либо никогда — я говорю ту страшную правду, за которой он приехал.

— Я никогда не подарю тебе ребёнка...

Мышцы под тканью напрягаются сильнее. Я это чувствую, но не поднимаю головы. Не делаю ни единого движения. Ни одного. Я не хочу видеть его лицо, если он уйдёт сейчас.

— Ты не хочешь? Я не настаиваю, Маша... — я ощущаю дыхание на своём виске. Слышу, как обрывается мужской голос на полуслове.

Демьян хотел сказать что-то ещё. Да, возможно, ему нужно время, чтобы осознать. Мне оно понадобилось.

Трижды.

— Я не могу. Не могу иметь детей, Демьян. И никогда не смогу.

горечь обиженных жалоб...»«...Дай в последнем крике выреветь

Но когда я произнесла свои — легче не стало. Боже, за что мне всё это?

Ощущаю заботливый поцелуй в макушку, что так контрастирует с его напряжённым телом, а потом — хриплое и тихое:

— Открывай дверь.

И я делаю то, что он велит.

Моя небольшая квартирка встречает привычной осточертевшей тишиной. Здесь всегда чисто, всегда есть кофе и всегда нет еды. Для себя я не готовлю. Всё время провожу на работе, а тут либо доделываю рабочие дела, либо сплю. Мне бы и дивана в офисе хватило, если честно. Какая разница, где именно отключаться от усталости? Я делаю это с собой сознательно, потому что если я не уставшая — меня режут мысли о «если бы».

«Если бы я осталась с Демьяном...»

И эти фантазии нескончаемые, разные и, что самое главное, — они вечные. Никогда не надоедают мне.

Сегодня же фантазии стали реальностью. Прямо сейчас наблюдаю, как высокая, грешно-красивая темноволосая фантазия проходит на мою небольшую кухню, занимая всё пространство своей давящей аурой.

— Кофе? — предлагаю зачем-то. Не знаю, зачем. Нервы.

Демьян лишь качает головой. Не рассматривает дизайн квартиры, не оценивает моё жильё. Он сидит во главе маленького стола и смотрит только на меня. Тяжёлым своим взглядом.

— Садись. А теперь рассказывай. С самого начала. — Последнее добавляет, когда сажусь напротив.

И я говорю. Рассказываю всё, как было, скрыв лишь участие его близких в этой истории.

— Ты проверялась после? — спрашивает, когда я замолкаю.

— Дважды, — я часто киваю, щуря глаза.

После того как мне впервые поставили диагноз, я проверялась ещё дважды. И дважды переживала всё, как в первый раз.

— И ты сделала вывод, что не нужна мне, потому что не можешь иметь детей?

От шока я поднимаю голову и впервые за этот наш разговор смотрю ему прямо в глаза.

— А ты считаешь, этого мало? — говорю, словно механическая кукла.

— Твою мать, Маша! — он грохает кулаками по столу и мгновенно вскакивает на ноги, нарезая круги по кухне, которая своими габаритами не в состоянии вместить в себе его гнев, его отчаяние. Весь мир не имеет таких габаритов. — Мне нужна ты, а не долбаный инкубатор! Ты не кусок мя-

са, Маша! Ты — моя любимая женщина! — он стоит передо мной и едва не впервые повышает голос. — Что я сделал не так? Где я согрешил настолько, чтобы ты уверилась, что я не пойму? Да и что тут понимать? Это же ты!

Демьян запрокидывает голову и шумно выдыхает. Трёт руками лицо. Злой, взволнованный, настоящий. Делает в эту минуту то, от чего я хотела уберечь его — делит со мной агонию. А потом снова смотрит на меня и опускается на колени. Берёт в свои руки мои ладони, подносит к сухим губам и целует... Нежно и осторожно, будто я хрупкая ваза в руках мастера.

— Маша, Машенька... Это же ты. Моя, как и раньше. Ничего не изменилось, слышишь? Ничего. Это наше общее. Мы оба знаем, что я виноват в твоём бесплодии.

— Неправда, — качаю головой, склоняясь к нему. — Это неправда. Ты ничего не мог сделать.

— Я не имел права допускать того, что произошло. Я должен был уберечь тебя.

— Не надо... Я умоляю тебя, хватит. Прошу...

— Иди ко мне, — его руки обхватывают мою талию, притягивая ближе к мужскому телу. — Всё закончилось. Теперь только вместе, слышишь? Вопреки всему.

Демьян подхватывает меня на руки, и я, больше не колеблясь ни на секундочку, делаю то, чего так давно жаждала, то, что представляла бесконечно долго — обнимаю его за шею, не прерывая поцелуя. Млея от вкуса, от запаха, от того, что

снова прикасаюсь к любимому телу.

Наощупь он несёт меня в комнату. Сжимает крепче, словно вдавливая в своё тело, будто я могу исчезнуть снова. А я не смогу... Не смогу пережить это ещё раз!

Опустив меня на кровать, Демьян, не отрываясь от моих губ в глубоком поцелуе, опускается сверху. Его руки пробираются под блузку, губы ласкают шею, переходя всё ниже и ниже... Я глажу широкие плечи, обтянутые сейчас такой лишней сейчас тканью. Поспешно стягиваю пиджак, мои пальцы путаются в пуговицах на его рубашке. Демьян уверенный и откровенный, а я дрожу и сейчас, и секундой после, когда он освобождает нас обоих от рубашки и блузки. Вскрикиваю, захлёбываясь воздухом, когда полуобнажённые тела касаются в чувственном переплетении.

— Не спеши, моя русалка. Впереди у нас много времени... — рокошет с кривой усмешкой, освобождая мою грудь из бюстье. — Соблазнительная моя. Я скучал...

Тянусь к нему и целую. Языком провожу по мужским губам, стону от наслаждения. Это мой ответ на всё то время, что мы провели порознь. Я тосковала по нему тоже. И это не выразить словами.

Он первым прерывает поцелуй.

Но лишь затем, чтобы продолжить.

Когда горячий язык накрывает сосок, я откидываюсь на простыни. Когда втягивает в рот, жмурюсь от ярких ощущений. И прикусываю фалангу указательного пальца, когда его

зубы царапают в приятной, желанной, игривой грубости.

Демьян стягивает с меня юбку, ртом забавляясь со второй грудью, а я лишь сжимаю его плечи и ближе прижимаю голову, иногда оттягивая пряди его волос. Прохожусь ногтями по коже головы, несильно царапая. Он рычит, когда я делаю так, потому что это возбуждает его еще сильнее.

Мужская рука пробирается в трусики, пальцем он ласкает складочки, избегая сладкого места, где я больше всего желаю прикосновений.

Но я не хочу пальцев... Я хочу его.

Его всего.

— Пожалуйста... — прошу, метаясь на постели.

Моя голова запрокинута в желании большего. Губы Демьяна миновали пупок, перешли на чувствительную кожу внизу живота.

— Иди ко мне... Прошу... — повторяю снова, сжимая простынь. Не улавливаю момента, когда мои стоны стали гортанными.

Сейчас я вся — это и есть желание.

— Чувственная, — Демьян стягивает с меня трусики, — Эмоциональная, — расправляется со своими брюками и бельем, — Такая откровенная, — раскрывает меня для себя сильнее, наклоняется и проводит пальцами по чувствительным складочкам.

— Демьян... — вскрикиваю одновременно с тем, как его рот накрывает клитор.

Закусываю губу, прикрываю глаза. Чувства слишком яркие. Я не хочу и не пытаюсь сдерживаться, наоборот, подаюсь бедрами навстречу языку, приносящему удовольствие.

За мгновение, за самое мгновение до разрядки, он отрыгается от меня, впиваясь в губы. Заменяю язык пальцами, но дав секунду для успокоения.

— Демьян, пожалуйста... Я больше не могу...

Он упирается рукой в кровать возле моей головы, удерживая свой вес. Смотрит затуманенным взглядом, что пылает желанием. Накрываю ладонью его член, провожу несколько раз по длине, провоцируя. И он закрывает веки, качая головой.

Сдерживается.

Два пальца входят в меня, и я судорожно втягиваю воздух.

— Выходи за меня, — произносит хрипло, а я резко распахиваю глаза.

— Ты сейчас это собираешься решать?!

— Я ничего не собираюсь решать. — Он на грани. С рыком выходит и снова входит в меня пальцами. Глубже. Еще раз... И еще... — Я хочу получить ответ.

— А если нет, не трахнешь меня?

— Трахну. — Он толкается в мою руку собой в нетерпении, продолжая сладкую муку, — И не раз. Нихрена это меня не остановит. Но я хочу тебя полностью.

— Демьян... — его пальцы внутри меня касаются определенной точки. Удовольствие так близко... — Я никогда не

смогу... Никогда, понимаешь? — прикрываю глаза, пытаюсь сфокусироваться на мысли... Пока он...

— К черту все. — Большой палец накрывает клитор, и я сама несколько раз трусь о него, насаживаясь на пальцы. Пытаюсь хоть немного... немного... — Будь со мной. Ты и я. Если захочешь попробовать Эко или ещё что-то — мы пробуем, если нет — хорошо.

— Я не хочу. Не хочу мучить себя попытками. Это может быть множество попыток. Я не готова. Не готова...

Слезы страха, несмотря на жгучее возбуждение, блестят на глазах. Демьян, остановившись, целует мои глаза:

— Ты нужна мне. — Так нежно, так уверенно...

Беру в ладони его лицо, вглядываюсь в уютную тьму взгляда.

— Ты всегда хотел семью.

— Мне нужна ты. Ты и есть моя семья. Будь со мной. Мне без тебя никак, Маша. Моя Ундина.

В который раз. В который раз он клянется. И я прикрываю веки, тихо-тихо произнеся лишь для него одного.

Как раньше, как сейчас, как всегда:

— Я люблю тебя.

— Это «да»?

— Да, — говорю громче, снова уловив его взгляд.

Шумный выдох — одновременно облегчение и предупреждение.

Демьян вынимает из меня пальцы и одним движением

входит. Мы встречаемся телами, губами в надрывности пылающей жажды. Освободительного огня.

Меня накрывает практически сразу, а потом еще раз. И Демьян догоняет меня в своем экстазе.

Я засыпаю в объятиях. Разнеженная и счастливая рядом с любимым мужчиной. С улыбкой на устах и слезами от бури чувств. И Демьян... довольный и расслабленный.

Счастливый, как и я.

Глава 5

Знаете, как чувствует себя женщина, полгода жившая в фильме ужасов, скрещённом с Днём сурка, и наконец нашедшая зелье, чтобы оттуда выбраться? Я вам отвечу, потому что это и есть моя история за последние полгода. Так что в настоящий период времени эта самая женщина чувствует себя абсолютно, безгранично, исключительно счастливой!

К чертям оставив работу, мы отправились в медовый месяц в Японию. Должно быть, там невероятно красивые пейзажи. Я потом посмотрела в интернете и убедилась в этом, однако нам с Демьяном было откровенно не до сакур. Мы были заняты наслаждением, которое даровали друг другу.

Гарантирую, еду в номера придумали для таких молодоженов, как мы. Поселившись в люксе, мы вышли оттуда лишь один раз — тогда, когда выезжали из отеля. Тем не менее, по дороге в аэропорт честно попросили англоговорящего водителя такси остановиться, чтобы сфотографироваться на фоне чего-то красивого. То было какое-то масштабное здание с футуристической архитектурой. Мы даже не потрудились узнать, что именно это было за здание. Но как раз это фото потом демонстрировали всем знакомым, которые имели любопытство спрашивать, как мы провели время. Другие фото были не для посторонних глаз.

Ну, вы понимаете...

Дома же на нас навалилось много работы, но все завтраки и ужины мы проводили только вдвоем, не считая званных вечеров и вечеринок, на которых обязательно должны были присутствовать. Мы балансировали между делами и желанием отправить мир куда-нибудь в жерло вулкана, но у обоих были обязанности.

Обязанности, которые тянули сильнее.

Но обо всем по порядку.

После того, как мой невыносимый бывший такими откровенно-сладкими и, вместе с тем, нечестными путями добился моего «да», все произошло очень стремительно. Больше Демьян не убеждал, не задавал вопросов, не давал времени колебаться.

Он действовал.

На следующий же день мои вещи были перевезены в его квартиру, которая когда-то считалась нашей, и стала таковой снова. А где-то на середине разработки проекта Лесовских, который я продолжала вести, Демьян увидел, как хватал меня за руки Максим Кушко. И именно это стало быстрым концом карьеры Максима.

Демьян сделал все, чтобы потопить его и убедить большую часть клиентов Лесовский-корпорейшн в том, что с агентством, где я работала, дела иметь не стоит. Мои бывшие работодатели быстро обанкротились, ведь Лесовские — и отец, и сын — имели весомое влияние на определенный круг людей, задававших ритм в мире бизнеса. Никто не по-

шел против них. И даже раскаяние Миленко не помогло. Вот кого мне действительно было жалко.

Конечно, никаких прав на проект Миленко даже не думал отстаивать, потому рекламная кампания, утвержденная Лесовскими, пошла в работу уже не под руководством агентства, а под мою полную ответственность. И вот тогда, когда результат не просто удовлетворил приятными цифрами, а поразил, побив рекорды предыдущих проектов от именитых маркетологов, взлетев куда-то в поднебесье, в голову Демьяну пришло понимание, что я могу значительно больше.

Демьян верил в меня сильнее, чем я в себя верила, и именно его поддержка была толчком решиться и рискнуть. Прийти к тому, к чему я стремилась. Стать женщиной счастливой и успешной. Женой любимого мужчины и владелицей маркетингового агентства, которое за один год и семь месяцев выросло и превратилось в настоящую приличную компанию. И за которую я сама, — САМА, — до сих пор выплачивала кредит банку. Я дала своему делу собственную фамилию, которую так и не сменила на фамилию мужа, чтобы не ассоциироваться с его тенью.

Что до его родителей... При встрече они вели себя предельно учтиво и подчеркнуто вежливо. Будто мы все дружно вычеркнули из памяти тот самый вечер накануне свадьбы. Я никогда не поднимала этот вопрос и ни словом, ни намёком не выдала Демьяну тех, кто не только поддержал мой поступок, но и, очевидно, подтолкнул к нему.

Подумать только: я была на взлёте. Предвкушала брак с любимым мужчиной — и буквально за час оказалась в состоянии эмоционального обнуления. Новость, перечеркнувшая мою жизнь, истощила до дна.

Мне не у кого было просить совета, не с кем было обсудить или поделиться. Я — круглая сирота, с подросткового возраста воспитанная тёткой-алкоголичкой ради пособия, — не могла за несколько часов рационально обдумать судьбу на всю жизнь. Я находилась в состоянии аффекта. И считаю абсолютно несправедливым такое влияние свекров на мою жизнь. Они могли просто перенести свадьбу, дать нам время, дать его мне... А вместо этого сделали всё, чтобы Демьян возненавидел меня за предательство.

Но мой муж отнюдь не был дураком. И уже за первым совместным ужином — тем самым, на который я всеми силами старалась не пойти (но вы же помните характер моего супруга) — по отдельным фразам я поняла: разговор состоялся. Жёсткий, категоричный, ультимативный. Возможно, впервые Демьян говорил с родителями в таком тоне.

Но мне было всё равно. Я ничего между ними не рушила — но и не вмешивалась.

— Боже, какая же ты здесь счастливая, Машка! — восторженно восклицает моя университетская подруга Саша Сомова, рассматривая фото, которое стоит заставкой на моем смартфоне.

Сегодня — один из тех редких дней, когда мне удалось

вырваться из круговорота дел и просто посидеть в кофейне. Не более пятидесяти минут, потому что у меня совещание.

— Спасибо! Медовый месяц действительно был незабываемым, люблю пересматривать те фотографии, — моим голосом путешествует нежность, когда я говорю это, — Знаешь, а мы же с тех пор так нигде и не были... — я кладу подбородок на ладонь, упираясь локтем в круглый стол и вспоминаю, как чуть меньше двух лет назад мы с Демьяном не могли надышаться друг другом.

Сейчас все изменилось.

— У вас же денег — лопатой загребай! Хоть остров купите! — Саша щелкает пальцами и поднимает брови, закатив глаза.

— Да, только их приходится зарабатывать. У Демьяна контракты, у меня договоры. После того, как взяли кредит на открытие моего бизнеса, я постоянно там, а Демьян не вылезает из своего офиса.

Это максимальная откровенность, которую я могу себе позволить даже с самой близкой подругой. Потому что мои дела с мужем — это только мои дела с моим мужем. По правде сказать, всё не так радужно, но и не плохо. Отношения — это работа, и к тому же бывают разные периоды...

— Почему у Лесовского старшего не заняли? — прямо спрашивает она.

— А зачем? Я никому не хочу быть обязанной. Мне нравится реализация, и за свой бизнес я ответственна сама. И

с финансовой стороны, и с моральной, — я пожимаю плечами, но это правда. И Демьяну, и мне выгодно, что наши компании сотрудничают, однако работу и отношения мы не смешиваем.

— Повезло тебе с Демьяном, Машка! Не то что мне с тем Славиком! Стыд-позор про-о-осто, — Саша щелкает языком и вздыхает, картинно закрыв ладонями лицо.

— Что опять? — спрашиваю с улыбкой. Если у Сомовой появляется кавалер, то она обязательно начнёт на него жаловаться. Чаще всего это долгие истории, к которым я привыкла, поэтому я и реагирую легко.

— Вот представь и сравни с Демьяном: заходим, значит, в магазин, — тянет недовольно. — Мне понравились два платья, а он мне заявляет такой: выбирай. Выбирай, понимаешь?! Ну что за жмот, боже?! — она нервно откидывается на спинку стула и обиженно складывает руки на груди. Как будто это я ей платье не купила, честное слово.

— Ну а если нет денег, Саш? — спрашиваю, грея чашку с чаем в ладонях. Зная подругу, она ему это прямо в лицо и бросила.

— Так пускай заработает! Демьян же зарабатывает!

Да, зарабатывает. И я его видеть перестала, хотя и никогда не требовала платьев. Но это наше, личное. Я не готова делиться этим.

— Кстати, Маш, — осторожно продолжает разговор, — а ты не могла бы помочь с работой?

— Не знала, что ты ищешь. Что-то случилось? — я хмчусь, ведь Саша хвасталась, что нашла неплохую вакансию несколько месяцев назад.

Да, я в то время как раз взяла объемный проект Самойловых, но даже он еще в процессе.

— Этот мой босс — просто отвратительный, понимаешь? Не сработались мы, если коротко.

Она не спешит рассказывать, а я не настаиваю. Но беспокоит то, что ни на одной работе Саша не задерживалась долго. Полгода — это был максимум.

— У меня маленький штат сотрудников, каждая позиция просчитана до копейки — лишних мест нет. А вот у Демьяна компания в разы масштабнее. Там, может быть, и найдётся окно.

— Я буду очень признательна, если ты спросишь. У меня правда без вариантов...

Вздыхнув, отставляю чашечку на блюдце. Конечно, я могу спросить, но откровенно не уверена, что Сомова потянет эту работу.

— Демьян строгий руководитель, Саша, — считаю нужным предупредить, — и я в его дела не вмешиваюсь, как и он в мои. Наши компании сотрудничают на постоянной основе, но в работу друг друга мы не влезаем. Поэтому, если у вас произойдет конфликт, а с требовательностью Демьяна к себе и, соответственно, подчиненным, конфликт непременно произойдет, я не смогу тебе помочь.

— Это не проблема, Маша, точно тебе говорю! Я сделаю все от меня зависящее, чтобы понравиться Демьяну Романовичу!

Глава 6

Выкладываю завтрак на тарелки, расставляю их на заранее сервированный стол и, выключив плиту, жму на кнопку кофемашины. Демьян не пьет холодный кофе.

— Да, если их все устраивает, то поставим подписи и приступим в работу. Строительство, учитывая подготовку, начнем через полтора месяца. Как раз погода позволяет закладывать фундамент. — Спускаясь по лестнице, Демьян говорит по телефону и, одновременно с тем, поправляет манжеты рубашки. — Доброе утро, любимая, — говорит мне, не стесняясь собеседника. Я дарю ему поцелуй, касаясь чисто выбритой щеки, и поправляю галстук. Нет-нет, галстук идеален, как и его владелец, но я слишком люблю это делать. — Подожди, — бросает в трубку, выключает микрофон и опускает руку, сжимающую мобильник. — Ундина, не успею позавтракать, извини. Встретимся вечером, хорошо?

— Демьян, пожалуйста, — говорю я, секунду помедлив, — сколько мы уже живем вот так, урывками между делами? Ты рано уходишь и приходишь после девяти. Позавтракай со мной.

— Маша, это важный проект. Ты сама знаешь, сколько у меня работы.

— Да. Но ее всегда будет много. И чем больше ты работаешь, тем больше будет работы. Это бесконечный круг, ты

же понимаешь. Но у тебя есть я, у нас есть мы. Пожалуй-ста, не жертвуй этим. Я тоже нуждаюсь в тебе, любимый. Не меньше, чем работа, поверь, — предпринимаю попытку легко улыбнуться губами, хотя на самом же деле нервничаю.

Это впервые, когда я решилась на подобный откровенный разговор, потому что хорошо понимаю, насколько важно Демьяну выкладываться на все возможные проценты. У него всегда была особая требовательность к себе, обусловленная чувством вины за свое прошлое и желанием доказать приемной семье, что он достоин ее. А после того, как Роман Давидович отошел от дел и передал управление в руки сына...

Полгода у нас обоих был почти нормированный рабочий график, не считая форс-мажоров. Затем Роман Давидович представил Демьяна генеральным директором и, после праздничной ночи, где я поздравляла мужа так, как только умеет женщина, перестала видеть его дома. Коттедж, подаренный нам Ладой и Романом Лесовскими на свадьбу, теперь казался некомфортным и пустым.

Мы встречались в переговорной Лесовский-корпорейшн, обсуждали дела, в спешке срывали друг с друга одежду, а потом я ехала к себе в офис, а он оставался, чтобы прийти домой за полночь и утром встать в шесть.

Ему было тяжело, а я могла лишь поддерживать и сглаживать углы, чем и занималась. Сейчас, когда большинство дел урегулировано, у Демьяна следующая цель — вывести компанию на новый уровень. И проблема в том, что за одной

вершиной будет другая. И ещё, ещё, ещё...

Муж всматривается в мои глаза, бросает взгляд на наручные часы, прикидывая время, и включает микрофон на экране телефона:

— Сегодня я буду позже. На сорок минут, — и моя искренняя широкая улыбка — это и есть благодарность. Ведь я знаю, насколько сложно ему дается баланс между работой и личной жизнью.

Я переделываю Демьяну кофе и сажусь рядом.

— Звонил Туманов, подтвердил строительство здания под клинику, — Демьян отрезает от панкейка кусок. — Если все выгорит, это станет значимым толчком в моей карьере и громким проектом под моим руководством в Лесовский-корпорейшн.

— Учитывая, что Туманов всегда знает, чего хочет, и твой скрупулезный к мелочам подход, даже сомнений не имею. — Мои слова подтверждает безусловная внутренняя вера в мужа, и в ответ Демьян дарует мне долгий, полный тепла взгляд. — То есть Влад перестанет вести пациентов и займется непосредственно управлением?

Мне интересно, потому что Владислав Туманов — брат Арины Тумановой, с которой мы учились в одном вузе, — светило медицины. С Демьяном они близкие друзья, и это хорошо, — действительно хорошо, — ведь мой муж тяжело сходится с людьми.

— Вряд ли. Ему слишком нравится практиковать. Да и

времени уйма, сама понимаешь — никаких обязанностей.

— И что, жалеешь о петле на пальце? — шучу, нацелив в него вилкой.

— Нет, Ундина. Ты — лучшее, что со мной случилось, — улыбается он глазами, в которых я читаю нежность. — Но не все мужчины созданы для брака, так что цени меня, — подмигивает.

Невыносимый.

— Вот и передай нашему неженатому товарищу, что твоя законная супруга против ваших посиделок в стриптиз-барах. — Угрожающе подняв брови, прищуриваю глаза, — Я серьезно, Демьян, никаких обнаженных девушек!

— Он только предлагал! — смеется Демьян, и я подхватываю.

Вот этих глупых разговоров мне так не хватает. Но настолько я люблю его, что могу ждать. Ждать, чтобы наслаждаться этим.

— Чуть не забыла! — вспоминаю, пока Демьян вводит код на дверях, которые секунду назад закрылись за нашими спинами. — Тебе еще нужна секретарша?

— Еще никого не утвердил. А что? Хочешь сменить профиль? Тогда я пересмотрю свой пунктик насчет секса с подчиненными. — Варварская самоуверенная улыбка появляется на его лице, когда Демьян поворачивается и резко прижимает меня к своему телу, — Заедь ко мне на обед. Хочу тебя на столе, русалка.

— Возможно... — произношу, подставляя шею горячим губам.

Поцелуй накрывает мой рот, а мысль о том, как я буду объяснять господину Самойлову, что у меня сломалась машина, уже засела в голове. И сложность поломки зависит лишь от нашей с Демьяном жажды.

— Жду на обед. — Говорит между поцелуями, что постепенно становятся успокаивающими. И это приводит в чувство — мне нельзя опаздывать!

Когда я уже перестану терять голову в его руках?!

— Так о чём ты хотела спросить? — возвращается к теме через несколько минут.

Мы идем к гаражу. Через дом тоже можно спуститься, но я люблю идти по улице.

— Саша Сомова просила помочь с работой.

— Я твою Сашу Сомову терпеть не могу, — откровенно кривится он.

— Демьян, ей нужна работа, а тебе — секретарша. Если она тебе подойдет, почему нет?

Я права, и только потому, что Демьян тоже это знает, он недовольно прикрывает глаза. Но соглашается.

— Пусть приходит завтра в три. Но если вместо того, чтобы работать, Сомова будет искать себе мужа среди моих клиентов, вылетит сразу.

• *Владислав Туманов — герой моей книги «Папа по ДНК».*

Глава 7

— Маша, можно? — я жестом приглашаю Марго. Помощница проходит и садится напротив. — Совещание через час двадцать, но я хотела переспросить по Рогову. Евгений очень хочет разрабатывать эту рекламную кампанию. — Ее взгляд становится менее уверенным, а произнеся последнюю фразу, Маргарита выдыхает. Нервничает. Видно, что к этому разговору готовилась.

— Я знаю. Евгений говорил со мной об этом неоднократно, но отвечаю тебе то же, что ответила ему: я буду вести этот проект сама. По крайней мере, на первых этапах. Владлен сам не понимает, чего хочет, поэтому сначала мы обсудим и набросаем ориентиры, а затем командно сгенерируем результат. Мне кажется это целесообразным. — Последней фразой намекаю, что решение мое окончательное. Марго, пусть и хочет поступить иначе, но кивает.

— С минуты на минуту к тебе Туманов, — меняет тему и вовремя, ведь на этом мои объяснения закончились.

Мне трудно дается баланс дружеской атмосферы и стального руководства. В офисе Демьяна, когда он зол и испепеляет своим фирменным взглядом, который не требует дополнительных объяснений, на моего мужа вообще глаза не поднимают. Но мне такое не подходит. Я стремлюсь создать компанию, где будет легко и приятно работать. Но когда я

попробовала работать только на доверии и была собой, меня воспринимали мягкой девочкой Машу. Неавторитетной, едва ли не ведóмой.

Я тогда только-только начала строить собственную команду. Когда попросила показать сделанное, оказалось, что готова лишь треть проекта. Пришлось втиснуться в сроки, экстренно дорабатывая всё по ночам. Самостоятельно, разумеется. Только благодаря этому моё имя не полоскали журналисты. С тех пор я всё ещё учусь сочетать роли. Однако, наблюдая за взаимодействием с работниками и ростом компании, делаю вывод, что получается неплохо.

— Да, я жду его. Сделай сразу два кофе. — Кивнув снова, она уже доходит до двери, когда я окрикиваю ее: — Надеюсь, ваши отношения с Евгением никак не скажутся на работе?

Марго замирает, оборачивается, часто-часто моргая. У меня нет таких запретов, как в офисе Лесовского, но людям трудно отделять принципы наших компаний. Слухи распространяются быстро.

— Нет. Маша, честное слово... — начинает она, но я останавливаю ее.

— Мне достаточно твоего слова, — с пониманием говорю, однако считаю нужным очертить границы, — И не просите больше друг за друга. Чувства чувствами, но не мешайте с делами, хорошо?

— Конечно. Извини, — она смущается, а я совсем этого не хочу.

— Иди, Марго. Все хорошо, правда. Ипусти уже Туманова, — взглянув на часы, киваю на дверь. — С его пунктуальностью, уверена, он уже ждет.

Помощница бросает на меня быстрый взгляд. Ей неловко — и за просьбу, и за сам разговор, а теперь ещё и за то, что заставляет ждать заказчика и друга семьи руководительницы в одном лице. Маргарита буквально испаряется, тихо прикрывая за собой дверь.

Качаю головой, глядя на стального цвета дверь. Ведут себя, как дети, честное слово.

— Ну наконец-то! — гремющий мужской голос заставляет меня улыбнуться. — Почти решил, что ты меня игнорируешь!

Владислав Туманов уверенно проходит вглубь моего кабинета с очаровательной улыбкой известного кота. Если бы уважаемый мною Льюис Кэрролл нуждался в прототипе Чешира, он сразу бы нашёлся здесь, в кабинете Маши Лунёвой! Мой настроенный на профессиональный лад мозг сразу же анализирует, какой прекрасный пиар имел бы этот ход, если бы...

Ох, надо больше отдыхать!

— Это заведомо проигрышный путь! — парирую, поднимаясь из кресла, — Ты же меня везде достанешь!

— Это да! — угрожающе поддерживает он, — Я мог бы вызвать подкрепление в виде таинственного мужчины, способного открыть все твои двери, — Влад останавливается ря-

дом, в его глазах отчётливо вижу смешки.

— Фу, Туманов, даже если ты имел в виду что-то другое, звучит это просто ужасно!

Туманов такой же голубоглазый и светловолосый, как и его младшая сестра. Но насколько же они похожи, настолько же совершенно разные. Сочетающая в себе острый ум, колкость слов, своевольный характер, красоту и женственность Арина. И мужественный, даже брутальный, Влад, который просто излучает что-то опасное. Понимаю всех тех девушек, которые поддались его очарованию. Он притягивает, заставляет наблюдать за его движениями и с интересом слушать этот хрипловатый баритон, соединенный с корректностью и принципиальностью истинно мужского характера. И я невероятно рада, что являюсь его подругой, а не претенденткой на туманное сердце Туманова.

— Я должен сказать, Маша: твой муж от похода на стриптиз отказался уже во второй раз, — шутит, целуя меня в щеку, — Вот она — сила любви, — показательно вздыхает, а через мгновение разваливается в кресле.

— Жду не дожусь, когда же наконец появится кто-то, кто приберет тебя к рукам!

И, честное слово, я едва ладони при этом не потираю. Ну ооочень интересно увидеть её. А в том, что она где-то есть, я ни на минуту не сомневаюсь.

— Созвонись с моей мамой, она добавит тебя в чат, где они с Ариной обсуждают эту тему. Почему-то я уверен, что

такой чат существует, — подмигивает он, откровенно подшучивая надо мной.

Непробиваемый. Ничего-ничего, я подожду, пока эту улыбку сотрет ураганом.

— И ты не против, что они этим занимаются?

Сложив руки в замок, потешаюсь над его реакцией. И как только глаз не дергается? Но Туманов — кремень, если и раздражается, то лишь в малейшей степени и по-доброму.

— Пока они обсуждают это между собой, а не со мной — мои нервы в порядке. Так что, да, я не против.

— Бизнесмен до мозга костей! — я качаю головой, не сдерживая смеха.

Влад из тех клиентов, с которыми приятно иметь дело. У него уже есть ориентировочное видение картинки, и когда я подхватываю и раскручиваю его идею, мы быстро приходим к общему знаменателю. Так что часа нам достаточно. Я беру время на подготовку первого этапа макета и обещаю позволить, чтобы согласовать встречу.

— Мы с Демьяном решили объявить о строительстве клиники громко. Приём, журналисты, папики с эскортницами — всё, что я терпеть не могу, но что повышает процент успеха.

Услышав это, невольно морщу нос. Демьян ни словом не обмолвился, это немного выбивает из колеи, ведь касается и меня.

Ненавижу эти так называемые приёмы. На самом деле за

теми масками, которые демонстрируют друг другу присутствующие, нет ничего настоящего. Только негласная стоймость и определенность реакций.

Этот народ в дорогуших дизайнерских шмотках ничем не отличаются от подростков, которых я знала в детском доме. Тебя поддерживают до тех пор, пока ты успешен, а стоит споткнуться — они же первыми и разорвут. Поэтому равновесие приходится держать даже на высоких шпильках: или ты, или тебя. Тогда, много лет назад, у меня не получилось. Меня разрушили. Я не удержалась. И я не позволю подобному сценарию повториться в другом обществе.

— Предлагаю наш дом. Организацию беру на себя.

Туманов недоверчиво приподнимает бровь, будто проверяя, не ослышался ли. Это потому, что мы с Демьяном живем очень закрыто. Но сейчас на кону наше имя — моё и Демьяна. Ведь именно компания моего супруга ответственна за строительство, а моя — за удачную рекламную кампанию. И вот здесь — или все, или ничего.

Или — или — это система бизнеса. Я повторяю это себе постоянно, дабы система не прогнула меня. Дабы я управляла бизнесом, а не он мною.

— Думаю, это пойдет на пользу, — говорит Влад, когда я утвердительно киваю, — ещё одно громкое событие. — Он подхватывает мои мысли на лету, даже озвучивать не пришлось.

Мы оба прикидываем в голове, как это будет, немного

смакуя предвкушение.

Как только мой взгляд прыгает на часовую стрелку, Влад поднимается с кресла. К-корректность. Я забираю ноутбук и блокнот со стола, и мы вместе выходим из кабинета. Остановившись у лифтов, Туманов тычет на кнопку вызова, а я жду вместе с ним за компанию. Несколько минут есть в запасе.

— Еще раз заговоришь про стриптиз, я найду на тебя проклятия и ты влюбишься так, что себя забудешь! — я угрожающе сверлю друга глазами, а потом, смиловавшись, чмокаю в щёку на прощание.

— Ведьма! — картинно пугается он.

— Русалка! — исправляю, и с видом учительницы начальных классов поднимаю указательный палец. — Берегись, Туманове. — Говорю, когда Влад, уже не сдерживая смех, заходит в лифт.

А после я просто перестаю следить за временем, потонув в расписании дел. День пролетает, словно сумасшедший, и когда я наконец сажусь за руль, то чувствую себя полностью истощенной.

Единственное мое желание — поехать домой. К Демьяну. И совсем не ужинать мне хочется. Включить бы какой-нибудь фильм, чтобы балаболил лёгким фоном, и спрятаться в уютных объятиях.

Нарисованная фантазия отзывается приятным покалыванием ожидания в пальчиках ног. Не теряя времени, достаю из сумки мобильный, чтобы озвучить свои желания тому, без

кого они не воплотятся в жизнь.

Разблокирую экран телефона с какой-то особенной улыбкой. В моей голове всё выдуманное уже становится реальностью. Но, видимо, где-то не в этой части вселенной. Улыбка тускнеет, чтобы погаснуть, когда я читаю текст сообщения, которое висит уже сорок три минуты, но до сих пор оставалось непрочитанным.

«Меня приняли, представляешь?! Спасибо-спасибо-спасибо, Машуня! Мы сегодня допоздна, так что не жди!»

«Не жди» — это Саша, вероятно, имеет в виду моего мужа. Потому что никого, кроме него, я не жду. Сегодня был первый рабочий день Саши — после двух недель стажировки у секретарши, работающей на заместителя Демьяна. Сам Демьян был настроен скептически, волнение Сомовой лилось через край, но, похоже, они сработались. И я, как хорошая подруга, должна была бы порадоваться за нее, но что-то мешает.

Набираю Демьяна, он сбрасывает вызов. Прикрываю глаза, опираясь лбом на руль. Секундная слабость и я снова буду, как прежде. Вдохнув побольше воздуха, задерживаю дыхание, а затем резко выдыхаю.

Много работы. Всё нормально. Он делает это ради нас.

Выхожу из машины и поднимаюсь в свой кабинет, чтобы забрать папку с проектом Рогова. Надо забить голову.

Пустой дом встречает... привычностью. Я прикусываю губу и заказываю доставку еды, ведь смысла готовить нет ни-

какого. Вдыхаю.

Выходит, снова ужин в одиночестве.

Глава 8

«Разорву это твоё платье на мелких пуговицах, чтобы сжать груди. В нём ты самый секс. Хочу к чёртовой матери разогнать твоих офисных псов, которые съедают тебя взглядами и мечтают трахнуть».

От этого сообщения спина автоматически выпрямляется, а губы приоткрываются так, будто Демьян находится рядом. Сглатываю и совсем перестаю слушать Сергея Бабенко, который сейчас отчитывается на совещании. Вместо контроля дел, которыми должна заниматься ответственная руководительница, прячу руки с телефоном под стол и отвечаю мужу:

«Вокруг тебя не меньше женщин, мой огненный король. Какмотришь на то, чтобы провести следующее совещание по видеосвязи, пока я буду отсасывать тебе под столом? Хочу сорвать твою выдержку. Тоже к чёрту».

Не даю себе ни одной лишней секунды на анализ. Я уже несколько недель его нормально не видела. Домой Демьян приходит только поспать. К другим делам добавился проект Туманова и прием, который я организовываю в нашем доме. Нет, близость у нас была, но быстрая и ради самого процесса. А я хочу наслаждаться им.

«Я сломал долбанный карандаш от одной мысли. Что касается твоего вопроса: вряд ли мне хватит стойкости. Я скорее разложу тебя на столе и буду входить сильно и глубоко, упи-

ваясь тем, насколько же ты для меня влажная. До хрипоты твоих стонов, Маша».

Мне приходится свести колени, сжать бедра и прикусить губу, чтобы не застонать прямо сейчас.

«Видеосвязь оставишь включённой?» — это единственное, на что меня сейчас хватает, чтобы продолжить эту адскую муку, которая зовётся игрой.

Ответ приходит практически мгновенно:

«Если мне будет до него. Если же нет, устрою видео-шоу со своей синеокой русалкой. Черт, стояк такой, что аж больно».

И эта его откровенная угроза о разглашении нашего интим-а добавляет острых ощущений и, неожиданно, возбуждает. Да, именно возбуждает, потому что я слишком хорошо знаю своего властного мужа, чтобы поверить, что он действительно способен на подобное. Но как фантазия...

Не осознавая, что делаю, веду пальчиками руки от подбородка к ключице, перечитывая сообщения. Внутри меня жажда его тела. И, клянусь, я бы уже ехала к мужу, если бы не запланированная встреча со Сверидовым. Да и уверена, Демьян тоже занят...

К чёрту!

Вот просто к чёр-ту!

— Марго, — я наклоняюсь к ней, только сейчас заметив, что Сергей уже закончил и сейчас говорит уже Евгений. Как долго? Понятия не имею. Если подумать, то я добавила себе

работы, ведь придется проверять их задачи отдельно. Но вот сейчас, откровенно, меня настолько это всё не волнует, что даже стыдно. Хотя нет. Не стыдно. — Перенеси мою встречу с Самойловым.

— Маш, она же запланирована... — помощница хмурится и не может понять, в чем дело. И я очень хорошо понимаю её, ведь с момента основания компании впервые поступаю подобным образом.

— Скажи, что я руку сломала или спятила, или что у меня мозг закипел или двигатель. Но сейчас мне срочно нужно бежать, — договариваю быстренько. И закрыв ноутбук громче, чем нужно, поддвигаю его к Маргарите. — Занесешь в кабинет, хорошо? Ты лучшая! — восклицаю, не дождавшись ответа.

Я целую воздух рядом с её щекой и, извинившись перед сотрудниками, что оставляю их, выскальзываю за дверь конференц-зала.

Лица работников надо было видеть. Озадаченные, они застыли в недоумении, но когда поняли, что я ухожу и сегодня больше не вернусь, обрадовались. Понятное дело, работа сегодня работаться не будет, но мне, как и минуту назад, плевать.

Вызываю лифт, но вспоминаю о ключах от машины и все же заскакиваю на мгновение в кабинет, чтобы забрать сумку. Туда же летит и телефон, а я сама, добравшись до парковки, мчусь по пустым дорогам.

Что-то такое есть во встрече, о которой не было договоренности. О которой мой вечно занятой супруг даже не подозревает. Мысли о загруженности Демьянова я откровенно отбрасываю и не позволяю снизить уровень запала.

Выкручиваю руль влево и въезжаю на парковку возле офиса Демьянова. Холл почти пуст, девочки-офис менеджеры кивают мне, не задерживая. В лифте еду одна и, когда двери разъезжаются, я соблазнительной походкой направляюсь в кабинет босса. Не моего босса, но уровень возбуждения от этой мысли растет.

Саши на рабочем месте не замечаю. Тем лучше. Но когда я ровняюсь с её столом, она тихонько выходит из кабинета Демьяна, поправляя блузку.

— Маша? — ее глаза округляются, а сама она останавливается так, будто споткнулась о мою фигуру. Так, будто не понимает, что делать дальше. Но я слишком погружена в собственные желания, чтобы заметить.

— Привет, — больше не говорю ничего. Обхожу Сомову, приближаясь к кабинету.

Однако, когда моя ладонь накрывает ручку, слышу:

— Демьян... Романович сейчас занят, лучше подождать, — и сделав глубокий вдох: — Маша, пожалуйста, он будет недоволен.

И эта фраза ледяной коркой проезжает по огненному шару моего предвкушения. Оборачиваюсь и уже откровенно злюсь.

— Я уже говорила тебе, Саша: здесь мы не подруги. В пределах этого офиса ты — секретарша моего мужа и все. И больше не стоит делать предположений, что Демьян может быть недоволен моим появлением. Понятия не имею, каких романов ты начиталась, но лучше тебе остановиться сейчас.

Взгляд Саши от ошеломлённого становится почти разъяренным, но она быстро берет себя в руки:

— Извини, — отходит в сторону, уступая мне дорогу, — я просто растерялась.

— Хорошо. Прости за резкость, — иду навстречу и, кивнув, толкаю дверь.

Глава 9

В кабинет захожу, чувствуя горький привкус на кончике языка. Можно было сказать всё Саше мягче... Но дело в том, что я уже говорила. Там, в кафе, где мы обсуждали работу, я её предупреждала. В офисе при посторонних даже мы с Демьяном ведем себя исключительно как партнеры.

Точка.

Никаких взглядов или прикосновений. Ничего, что могло бы сказать о нас как о паре. Потому что это и есть то, что идет рядом с нашими фамилиями, впереди нас самих. Репутация. Статус, как доказательство: ничто не сможет помешать делу.

— Моя жемчужная русалка сама забрела в Лесную чашу?
— звучит украдкой с другой стороны кабинета.

Задерживаю дыхание. Поворачиваюсь.

Демьян стоит у журнального столика и, опираясь ладонями о спинку дивана, изучает меня таким взглядом, будто собирается съесть. Под пронзительными черными глазами лишние мысли покидают голову, а я сама выпрямляю плечи, выше скинув подбородок.

— Умышленно заблудилась, Лесной. Чтобы твои угрозы закончились взаимным наслаждением.

Я делаю к нему шаг.

— Стой на месте. Будешь послушной, моя радость? — гремит он, приближаясь.

— Возможно... — с моих губ срывается что-то похожее на мурлыканье, но я замираю.

Интригующий тёмный огненный король.

— Развернись, — командный голос заставляет подчиняться, и я делаю так, как мы оба сейчас хотим. — Руки на стену. Моя умница... — довольно рокошет над ушком.

От хриплых ноток дрожаще вздрагиваю.

В ожидании.

С полминуты ничего не происходит. Закусываю губу и поворачиваю голову вправо, чтобы увидеть.

— Кто-то очень любопытный... — с упреком хмыкает Демьян. И я уверена, что на мужских губах играет улыбка. — Я люблюсь тобой, — объясняет то, в чём я так хотела убедиться, — Безупречная, — последнее слово он тихо выдыхает. Словно больше для себя, как факт, чем комплимент мне.

Приятно так, что голову кружится.

Резко и прерывисто вдыхаю, когда чувствую, как горячие пальцы движутся от голени выше. Касаются коленной чашечки, которую скрывает чулок, немного дольше, задержавшись на тонкой коже. Затем пальцы переходят на бедро, путешествуют по его внутренней стороне.

Прикосновения легкие, игривые. Они разжигают, вынуждают представлять.

Дойдя до линии трусиков, Демьян поддевает ее и ласкает губки. Запрокидываю голову, выдыхая.

— Какая чувственная... Дурею. — Пальцами другой ру-

ки он поворачивает мой подбородок к себе. Вглядывается в глаза с секунду, чтобы после ворваться в мой рот в грубом поцелуе.

Не знаю, что именно дает о себе знать — отсутствие наслаждения близостью в течении долгого промежутка времени, флирт через сообщения, моё неожиданное появление или всё разом, но то, что происходит между нами сейчас — какое-то безумие.

В сознание прихожу тогда, когда пальцы оставляют трюсики и мужские руки крепко сжимают мою грудь. Стону в его рот, прикусывая губу Демьяна и накрываю ладони своими.

Хочу еще сильнее.

Демьян шипит, толкается в меня сзади. Имитирует, распаляет. Оплетаю его шею, притягивая ближе, другой ладонью упираюсь в стену.

Рывок — и я слышу, как маленькие пуговицы моего черного платья стучат об пол. Он опускает чашечки бюстье, сжимая грудь уже без преграды.

Кожа к коже.

— Боже... — задыхаюсь в чувствах. В голове ни единой мысли, кроме желания. — Люблю, люблю тебя... — шепчу, на мгновение вынырнув на поверхность из океана обоюдной жажды.

— Люблю, Маша. Так, что сдохну за тебя.

— Хочу тебя. Сейчас. Не мучь меня больше! Пожалуйста... — моляще шепчу или вскрикиваю — я не знаю. В сло-

вах путаюсь, жмурюсь, ведомая желанием и в бессилии упираюсь в стену обеими руками. Чтобы прижаться к нему ещё плотнее... Чтобы ни миллиметра между нами, чтобы...

— Сам больше не выдержу... — рычит Демьян, прижимая мой зад к своему паху, — но так люблю играть с тобой... Не пойму, что люблю больше: заставлять умолять или брать.

Демьян в нетерпении задирает моё платье, а трусики спускает на щиколотки.

— Вот так, моя хорошая, — отходит на несколько шагов — и внезапно ощутимо хлопает ладонью по левой ягодице. Боль обжигает, трезвит и снова туманит разгорячённый разум.

Ноготками царапаю темную штукатурку, сильнее прогибаясь в пояснице. Мне нравится и его лелеющая нежность, и дикая грубость. Сейчас по вкусу второе, и Демьян с легкостью считывает моё состояние. В сексе мы прекрасно синхронизируемся.

Звон пряжки ремня запускает сердце с утроенной скоростью. Прикрываю глаза в предвкушении. Он входит в меня резко, с одного толчка и сразу же берет бешенный темп.

Я всегда громкая, а сейчас, кажется, слишком, но заставить себя быть тише никак не выходит. Он угрожал взять меня на видеоконференции, так что, если не увидят, то услышат.

Не стыдно. Сейчас совсем нет.

Ладони Демьяна накрывают мои, в рот врывается его

язык. Мы близки телом и душой. Вместе тонем в захватывающем желании.

Он резко выходит из меня. Резко поворачивает к себе, спиной прижимает к стене и с наслаждением целует-целует-целует...

Толкает к столу. Всё, что на нем, сметает на пол. Подхватывает под бёдра и усаживает меня на столешницу из темного дуба. Тянет ближе к себе, я откидываюсь на руки, раскрываясь для него. Демьян проводит кулаком по напряженному члену, не отрывая глаз от моего лица, груди, промежности. А потом несколько раз проходит тёмной влажной головкой по мокрым половым губам.

Мы без презерватива, давно. По понятным причинам нам не нужна защита.

Хнычу... Сейчас вовсе не владею собой...

Сильный толчок вырывает из меня грудной стон, заставляет кожу покрыться мурашками. Опускаю взгляд вниз. Туда, где соединяются наши тела, и схожу с ума. Отталкиваюсь от столешницы, обнимаю сильные напряженные плечи.

Как же хорошо...

Губы встречаются, тела двигаются, я уже около грани. Близко... Так томительно-близко...

Демьян видит это и накрывает большим пальцем клитор. Подстраивает темп, который больше всего нравится мне именно в это мгновение...

— Да... Да... Сейчас... — я закрываю глаза, Демьян на-

клоняется, облизывает мой сосок.

Боже, как хорошо...

— Демьян Романович... — и этот чужой голос кажется таким чужеродным, таким неправильным в нашем единении, что я сразу даже не понимаю, откуда он вообще взялся в нашем мире.

Но открыв глаза, резко поворачиваю голову вправо, чтобы встретиться взглядом с испуганной Сомовой.

— Пошла отсюда. Немедленно! — рывкает тот, к кому обращались, последней фразой срываясь на крик.

Демьян. На крик.

Саша словно отмирает. Вздрагивает и быстро вылетает из кабинета, громко грохнув дверью. А я... чувствую, как меня будто кувалдой к полу прибили.

— Тшш... — Демьян успокаивающе поворачивает моё лицо к себе, покрывая успокаивающими поцелуями. — Не закрывайся, Ундина. Тише... — он гладит мои плечи, ребра.

— Демьян... — веду плечами, хмурясь.

— Не позволяй никому вклиниться, куда не просят. Иди ко мне. Иди сюда. — Произносит, заворачивая тихим голосом и темнотой глаз. — Доверься.

Мужские губы танцуют на моих, большие пальцы нежно поглаживают полушария груди, разжигая огонь, а его член всё ещё во мне.

И когда Демьян начинает двигаться, я возбуждена. Возбуждена настолько, что дрожу в его руках.

К пику приходим вместе. Долгожданная разрядка накрывает, опустошая любые мысли; позволяя штилю царить в наших душах.

Демьян опускается в кресло, притягивая меня на колени. Кладу голову на его удобное плечо, он гладит мои волосы, целует шею, встречаемся губами в ленивых благодарных поцелуях.

— Она много видела, да? — нарушаю тишину.

— Я уволю её, — рычит муж, сжимая челюсти. Злится. И сталь в его голосе так контрастирует с мягкостью прикосновений, что он дарит мне.

— Перестань. Ничего же не случилось, — осторожно говорю я, чувствуя вину перед Сашей за резкий разговор и немного за увиденное. В ответ мне шумный выдох. Недовольный. — Она же со своими обязанностями справляется?

— На удивление да, — признается неохотно, — но еще она должна обладать чувством дозволенного.

— Вообще-то мы не должны трахаться в твоём кабинете, — смеюсь я.

Демьян отодвигается, мы сталкиваемся взглядами. Мой — с улыбкой, а его — серьезный, сосредоточенный.

— В своём кабинете я могу делать всё, что пожелаю, Маша. Но если она настолько нужна тебе здесь, что ты за нее просишь — пусть. До второго прокола. Этот — первый.

Глава 10

Бытует мнение, что успех любит тех, кто умеет ждать. И с прямым смыслом этого высказывания я категорически не согласна. Почему? Да потому, что ничего в жизни лично мне легко не давалось. Чтобы выжить, приходилось прибегать к хитростям. И я сейчас не только о детском доме. В моей жизни было много, слишком много всего, что должно было сломать меня — от обстоятельств до людей.

Слайдами перед глазами проносится тётка Нюра с занесенной для удара рукой, Гера, который, вопреки моему желанию, недвусмысленно меня касается...

До боли сжимаю веки. И представляю Демьяна, вернее, именно тот момент, когда Демьян приехал за мной. И спас. Но это было задолго до...

Чтобы поступить в университет я сбежала от тётки, чем отрезала себе обратный путь. Теперь осталась одна дорога: вперед. Вперед, чего бы мне это ни стоило.

А стоило это немало. И тем не менее, я шла. Потому что вариантов не было. Я должна была идти и переставляла ноги, явственно ощущая, как много у меня общего с отставшим от команды лыжником. И я, и мой воображаемый лыжник затесали себе на подкорке простую истину: стоит на мгновение остановиться — погибнем. У других есть возможность отдохнуть. А у нас её просто нет.

И то же самое, к сожалению, касается моей личной жизни.

Но если ради своего становления я была готова пройти сквозь что угодно, то есть ли у меня силы соревноваться за любовь? Ведь судьба не должна была отвечать мне взаимностью. Чего не скажешь о Демьяне.

Месяц назад я тихонько шла по офису супруга, прикрыв разорванное в порыве страсти платье его пиджаком. Словно школьница, я краснела и прятала лицо на плече провожавшего меня Демьяна и счастливо улыбаясь. А он крепко прижимал меня к себе. Целовал шею, водил губами по щеке, а в промежутках клял предстоящую встречу, на которой обязан был появиться через пятьдесят минут. Опаздывал даже, но перенести не мог, потому что заказчик летел ради нее из Парижа.

Доведя до машины, муж прижал меня к дверце автомобиля спиной, накрыв собственным сильным телом. Его язык ворвался в мой рот, а руки пробрались под пиджак на моих плечах. Миновав ребра, накрыл грудь, которую я старательно прятала под полами ткани...

Клянусь, мы могли бы повторить прямо там, если бы не звонок моего мобильного. Демьян, стиснув зубы, быстро открыл дверь и помог мне устроиться. Он ждал на парковке, пока моя машина не скрылась за углом. Домой в тот день он пришел в восемь. И это стало для меня знаком, что мы движемся в правильном направлении.

Но это уже прошлое.

Из нашей спальни, расположенной на втором этаже дома, наблюдаю, как открываются механические ворота и во двор въезжает Audi RS8. Машина исчезает в гараже, и я слышу, как через некоторое время тихо закрывается дверь за моей спиной.

— Не спишь? — его голос тихий и откровенно уставший. Но я устала тоже.

— Жду тебя.

— Я предупреждал, что буду поздно. — И это звучит так, словно должно объяснить абсолютно всё.

— Сейчас полвторого, Демьян. Скоро утро. — Я стараюсь сдерживаться, взять эмоции под контроль, но подчеркнутое спокойствие в словах только демонстрирует раздражение.

— Ты прекрасно знаешь, где я, Маша. — Шумно выдыхает он, и я мысленно готовлюсь к скандалу. Я была готова, но надеялась быть услышанной, — В чем проблема?

— В том, что мы не видимся. — Наконец поворачиваюсь к мужу лицом, произнеся то, что ожогами выгравировано на моем сердце, — Совсем. А теперь я ещё и дозвониться до тебя не могу, потому что с твоего личного номера мне теперь отвечает Сомова! — кидаю ему, срываясь на крик.

И да, это стало последней каплей. Я звонила Демьяну, потому что врезалась в бампер машины. Не сильно. Когда я посмотрела на то, что произошло по моей вине, то обнаружила небольшую вмятину, но до этого... Испугалась. Подобное было впервые, я нуждалась в поддержке. Всего нескольких

слов о том, что все будет хорошо.

Но я снова справилась.

Снова сама.

Потому что вместо моего мужа трубку подняла Саша.

— Потому что она моя секретарша! — гаркает он, а мне как будто лезвие в тело загнали, — Было бы лучше, если бы я вообще не отвечал?

— Было бы лучше, если бы ты помнил, что тебя дома ждет жена, Демьян! — кричу. Об аварии даже рассказывать не буду, хотя целую речь в голове заготовила.

— Ждет, чтобы выесть мозги? — рычит, стиснув зубы, — Встреча непревзойденная, Маша. Так и хочется возвращаться домой.

Мы стоим друг напротив друга, испепеляя взглядами.

И мне есть что ответить. Я могу долго-долго говорить, упрекать, вспоминать, при каких именно обстоятельствах и насколько сильно мне не хватает своего мужа. Я могу играть на чувстве вины, могу давить на него.

Но... Я хочу уберечь, а не разрушить. Я не готова всё уничтожить, не готова отпустить.

И где-то между теми словами, что уже были сказаны, и теми, что лишь должны были сорваться с губ, что-то во мне то ли щелкает, то ли обрывается. Потому что я понимаю: мы идем не туда.

Мы... Так не должно быть.

— Я люблю тебя. Я тебя очень люблю, Демьян. И злюсь

только потому, что до тремора боюсь потерять.

Демьян выдыхает. Медленно и шумно выдыхает и за шаг оказывается рядом. Пальцами касается щеки, большим очерчивает подбородок. Прикрываю глаза. Всё мое нутро заходит от нежности, отзывается на эти легкие ласки.

— Я хочу обеспечить тебя, нас. Хочу, чтобы ты ни в чём не нуждалась. Маша, я хочу дать тебе всё. — И в этом тоне, с множеством оттенков хрипотцы, столько всего скрыто...

— Мне не нужно всё, Демьян. Только ты. Сейчас я ни в чём не нуждаюсь. Кроме тебя. — В глазах стоят слезы. Я обнимаю ладонями мужское лицо, глядя прямо в глаза. Я хочу достучаться. Стремлюсь быть услышанной, — Ты можешь разгрузить себя немножко...

Демьян прикрывает глаза, я жду. Потому что слишком хочу... его. Хочу всё вернуть назад, перепрыгнуть эту чёртову пропасть между нами. Но когда открывает, я вижу там уверенность.

— Я сделаю это. Так и будет, но не сейчас. Сейчас я должен всё удержать. Отец передал мне дело своей жизни, я не могу похоронить его.

— Демьян, ты не...

— Тишш... Разговор окончен. Дай мне время.

И после того, как я молчаливо закрываю веки в знак согласия, губы Демьяна касаются моих.

Глава 11

— Выглядишь невероятно, жемчужная моя... — говорит на одном дыхании муж.

Всегда приятно чувствовать этот взгляд. Особенный. Он поглаживает от макушки, касается лица, скользит по шее, остановившись на ключицах, направляется к груди и ниже... проходится по талии до самых кончиков пальцев на ногах. Ему не просто нравится — Демьян в восторге.

Его комплименты не слишком изысканны и чаще всего однообразны, потому что Демьян не сыплет штамповыми фразами, не льёт мне в уши струи розовой воды. Он искренен. Именно такой, каким я знаю его много-много лет — прямой, с чёрными серьёзными глазами, которые своей строгостью приковывают к месту других, которые тьмой ласкают меня.

— Спасибо. Ты тоже очень красивый. Самый красивый мужчина из всех, кого я когда-либо видела, — улыбнувшись, я иду к нему, демонстрируя себя еще раз. Упиваясь его взглядом, который светится от созерцания меня. Это может понять только женщина, которая хоть раз видела это и чувствовала от своего мужчины.

Подойдя вплотную, кладу руки на его плечи. Глажу обтянутые черной рубашкой мышцы. Демьян касается моей талии сначала легко, а потом вжимает меня в свое тело и це-

лует. Размазывает красного цвета помаду, языком врываясь в мой рот, присваивая.

— Ревнуешь? — вырывается вдруг. Наверное, подсознательно мне бы этого хотелось.

Он удивляется, затем в непонимании хмурится. Пытается понять, являются ли мои слова частью нашей игры. Однако мои глаза остаются серьезными: я жду ответа на свой вопрос.

— Я доверяю тебе, Маша, — произносит он, наблюдая за изменением эмоций на моем лице. — Или у меня есть повод?

— Конечно нет. Я всегда жду тебя дома. — Отвечаю и выпутываюсь из его объятий. — Надо поправить помаду.

Мои слова звучат слишком быстро и сбивчиво, подтверждая, что они являются лишь поводом для побега.

Настроение, — я чувствую, — испорчено. Я этого не хотела. Но настолько меня переполнили эти чертовы сомнения, настолько я без него... Привыкаю. И противлюсь привычке.

В эту самую секунду одна часть меня хочет отмотать время назад, провести этот день — один этот день — спокойно, без ссор, обвинений, обид и мыслей, разрывающих сердце. Когда вторая моя часть жаждет с нетерпением стянуть переставшее быть удобным платье, закинуть как можно дальше туфли, надеть уютную пижаму, которую я не вынимала бог знает сколько, и устроиться в гостиной с мороженым или куском наполеона под «Очень плохую училку».

— Маша, — Демьян не хватает меня за руку, а останавливает тоном голоса. И я врастаю в пол. Не оборачиваюсь,

жду, что скажет дальше. — Я не знаю, о чем ты думаешь. Не знаю, что себе нафантазировала. Наверное, я теряю что-то важное, пока провожу время, подписывая бумаги, а не здесь. Но я люблю тебя. И я всегда лечу домой. Всегда, Маша. Я не остаюсь спать в отеле, в квартирах компании, я еду к тебе. Мне плевать, в хорошем ты настроении или выключешь мне мозги. Я еду к тебе, чтобы заснуть рядом.

Поворачиваюсь. Медленно, неуверенно и, затаив дыхание, смотрю на мужчину, чья откровенность остаётся столь редким явлением. Он всегда закрыт, я давно уже научилась читать его тьму, но когда его нет рядом, это крайне трудно сделать.

— Я тоже люблю... — шепчу в ответ, прежде чем он сжимает меня в своих руках.

Девочка-визажистка еще не успела въехать в город, когда я позвонила и попросила вернуться. Немного напуганная, она вошла в дом, но, услышав глупую отговорку, быстро исправила то, что мы с Демьяном успели испортить, когда... В общем, мы всё успели.

Гости начали парковать дорогие машины через двадцать минут после того, как полностью собранная я во второй раз вошла в нашу спальню. На этот раз Демьян поцеловал меня совсем иначе: прижав губы к губам, застыл так на несколько долгих секунд, то ли запечатлевая, то ли убеждая в ранее сказанных им же словах. Я же прикрыла глаза, слушала тихий стук наших сердец и никак не могла вернуться в уже за-

бытое спокойное состояние повседневной ясности.

Было ли это состояние когда-нибудь у нас с Демьяном? Колеблюсь ответить.

Я подаю мужу черный пиджак и, застегнув пуговицы, приглаживаю ткань лацканов. Завязываю галстук. Поправляю и улыбаюсь.

— Сегодня важный вечер.

— Мы справимся. Будешь рядом? — спрашивает, потому что для него это важно.

— Всегда, Демьян, — и взаимное тепло в глазах друг друга ластится навстречу — чтобы зажечь, выкупать в любви.

— Всегда отвечай так, Маша. И я снесу этот чертов мир к твоим ногам в черных туфлях.

В горле чувствую комок и прижимаюсь к Демьяну, крепко-крепко обняв за шею.

Мой.

Мы встречаем гостей в центре нашей большой гостиной. Статусные мужчины с женами, а многие с карманными девами на вечер, как зовет их Демьян. Последним величие встречи давит на голову, однако все они приветствуют друг друга, излучая любезность, и направляются к фуршетным столикам. Официанты подносят закуски и напитки, слева работает бармен, играет живая музыка — я хорошо поработала в организации мероприятия. Все на высшем уровне.

— Демьян Романович, Владислав Григорьевич еще не по-

явился, но я поддерживаю связь с Лилей, его помощницей, поэтому... — тараторит Саша, которую я мельком видела несколько раз.

— Меньше текста, — с раздражением осаживает ее Демьян, и Сомова даже шаг назад делает.

Никогда не понимала его резкости по отношению к сотрудникам, но сейчас внутри закручивается поганый узел — отвратительного, неправильного удовлетворения.

Отрицать его наличие бессмысленно: я не привыкла успокаивать себя ложью. От этого становится только хуже.

Саша — моя подруга, Демьян — мой муж. И одно лишь наличие моей реакции означает, что я признаю вероятность их...

Фу.

Не хочу даже...

Мы поговорили сегодня, Демьян был откровенен, и в ответ на его откровенность поносить нашу семью даже в мыслях — слишком низко. Я, в конце концов, тоже работаю с мужчинами, но ни одного намёка на ревность в эту сторону от Демьяна не было. Никогда. И я бы обиделась, если бы он хотя бы предположил подобное. А он что-то объясняет, успокаивает меня...

Если уж быть откровенной с собой, то либо определиться в недоверии и уйти, либо не делать мозги ни себе, ни людям.

«Ты знаешь, ты слишком красивый, умный и обладаешь множеством качеств, из-за которых тобой может заинтере-

соваться другая женщина. Поэтому я тебе не доверяю и ухажу. Прощай, любимый».

Какая-то непроходимая дура. Монолог идиотки.

Он мне в любви признаётся так, как только умеет, а я ревную его к секретарше, которую сама же к нему на работу и засунула.

Если уж на то пошло, я, вообще-то, способна приложить руку к её увольнению. И это станет автоматическим признанием моего недоверия. Стопроцентное обвинение в нечестности.

“Ты сначала устрой мою подругу на работу. Устроил? Спасибо огромное. А теперь уволь, будь любезен, а то я переживаю, что ты с ней блядуешь”.

А поскольку помощница Демьяну всё-равно нужна, то Сомову просто заменит кто-нибудь ещё. То есть что, я теперь каждую его сотрудницу проверять буду? Или контролировать?

“А возьми-ка на должность секретаря мужика. И на должность бухгалтера тоже. Да и вообще лучше из дома работай, а то баб этих на улице пруд пруди. Нет? Тогда мужиками всех сотрудников замени, а то я на голову раненая, ага”.

Ужас какой!

И пойдёт Маруся нахер, потому что если бы Демьян терпел подобное, он был бы другим человеком и я за такого замуж не пошла.

Демьян — не телёнок. Во всех смыслах. Главное — его ко

мне отношение, а не вся вот эта шелуха.

Ну вот, Лунёва! Наконец-то мозг уверенной в себе женщины включился! А то даже стыдно за себя, честное слово.

Пока Сомова остолбенело рапортует Демьяну, я качаю головой, потому что недовольна собой до чертиков, и прошу у подошедшего официанта шампанское.

— Сообщи, когда Туманов подъедет, — напоследок кидаёт Демьян и отпускает помощницу.

Дом наполняется хорошо знакомыми и малознакомыми людьми. Появляются Роман и Лада Лесовские, с которыми мы поддерживаем молчаливые и тихие отношения. Отбросив прошлое, хорошо притворяемся, что ничего не было и о моем бесплодии они ни сном, ни духом.

Туманов сильно опаздывает, но появляется к началу не один, а со спутницей. Ого! Если он прозовёт меня ведьмой, я не стану обижаться!

Только Владислав Туманов способен чувствовать себя комфортно под взглядом моего мужа, метящего молнии, под лязг его зубов. Оставив девушку необыкновенной красоты около моих свекров, Туманов направляется к нам.

На небольшой сцене мы втроем представляем проект. За спинами идет видеоряд презентации, и Демьян с Владом показательно подписывают договор. Чисто картинная игра на публику, но это всегда удачный ход. Конечно, оригинал хранится в офисе, а эта бумажка не имеет никакой юридической силы, но какой эффект! Под овации мы выпиваем шампан-

ское за успех и спускаемся вниз.

Я раздаю улыбки, перекидываюсь фразами с женщинами, ощущая себя комфортнее рядом с мужем, но и в его отсутствие не теряюсь. Я не только жена Демьяна Лесовского — и об этом я постоянно напоминаю себе, заставляя держать голову выше. Потому что я знаю о слухах, которыми изрядно приправляют мое имя те, кому больше нечем себя порадовать.

Осторожно отступаю от небольшого круга гостей, заранее извинившись, и направляюсь в уборную. Там я могу присесть на пуф и немного выдохнуть. Сейчас по мне никто и никогда не сказал бы, что я ненавижу эти мероприятия. Но ненавижу сильно. И спичка выдержки уже догорает.

Вхожу и натыкаюсь на свою подругу, секретаршу моего мужа, которая на уровне подсознания, как бы мне это ни нравилось, стала моей соперницей.

— Маша, ты сегодня роскошная, — улыбается она.

Вхожу внутрь, оставив дверь приоткрытой в намеке, что хотела бы побыть одна. Улыбка Саши искренняя, и где-то глубоко внутри меня укором колят годы нашей дружбы за недостойные, грязные мысли.

— Ты тоже очень красивая, — дарю взаимную улыбку. И это правда, Саша в своем платье цвета розового рассвета выглядит очень нежной и юной.

— На фоне всех здесь присутствующих женщин ты очень выделяешься, — проговаривает как бы между прочим, а я не

могу уловить, куда она клонит, — такая самодостаточная, реализованная, успешная, с собственным бизнесом. Когда все они — поддержка своих мужей.

— Я поддерживаю своего мужа, Саша, — отвечаю резче, и только потом понимаю, что оправдываюсь. Именно поэтому замолкаю.

— Конечно! — её глаза сразу становятся выразительными, давая понять, что на самом деле она имела в виду совсем другое. — Просто вы с Демьяном будто на соревнованиях: кто больший кусок в пещеру притащит, кто сильнее одеяло на себя потянет. Наверное, трудно мужчине с успешной женщиной. Но зато он может гордиться, что укротил такую, — последнее предложение она добавляет наспех и широко-широко улыбается.

Однако взаимности больше не встречает.

И я не могу удержаться от шпильки. Потому что где-то в ее словах, я знаю, есть доля правды.

— Тебе бы в психологи, Саша. Без отвлекающих факторов в виде отношений — одно удовольствие анализировать чужие.

Глава 12

Прием проходит хорошо. Настолько, что я даже не ожидала.

После того, как Туманов почти сразу покинул мероприятие, уехав вместе со своей загадочной спутницей, нам с Демьяном пришлось отвечать на вопросы любознательных толстосумов вдвоем. Но я, в основном, молчала, давая возможность высказаться мужу даже там, где дело касалось непосредственно рекламной сферы деятельности. Моей сферы.

Слова Сомовой задели. Слишком сильно, чтобы притворяться, что я сама никогда не заморачивалась этим вопросом. Успокаивая себя тем, что Демьян всегда поддерживал мои планы и радовался достижениям, я внушала себе, что с этой стороны всё спокойно. Что всё хорошо.

Но если ему действительно все это уже надоело? Если не только мне не хватает Демьяна, но и Демьяну не хватало меня и именно поэтому он живет на работе? Конечно, я пыталась совмещать, но стоит ли говорить, что весомую часть моей жизни во время восстановления отношений я посвящала именно работе. Ведь открытие и подъем компании на достойную высоту — это совершенно другой уровень сложности. Абсолютно отличный от того, к которому я привыкла.

А если ему не просто это надоело, а осточертело?

Если он чувствовал и продолжает чувствовать себя вто-

ростепенным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.